

НОВЫЕ СТИХИ

ПО НАКОМУ ПРАВУ?

Солнце, мир и родная земля
Туда и любовь, дана тебе
Моя—
Все это кичливо зовешь.
Мучна богатым, презренными
людей
Слепый звериного нрава
Миньня обрывает невнятных
детей,
Но не накому праву?
Яркие слезы твои и миг
И весны от первых
потопляти.

Октябрьская улица

Летними овевая
Сядет старина,
Здесь по учебно Лешня
Шла правдою она
Здесь Мастера гусские
Клади свою судьбу,
Не чинил твой невинный
Был отвести бед,
Но вот свободен являя
Над ней взошла звезда...
И улицу Октябрьскую
Назвал народ тогда!
В тавельных испытаниях
Была не раз она.
В своих прелестных
Лича Ленку верная
Покрасна эта улица
В вековых тополях...
И кажется, любуется
И русская земля...
Впоследствии целуются
Под сенью тополей

Солдату

Мы с тобою давно не
встречались,
Но сердца наши рыхло всею.
Всегда тебе путь торжествен
смысла
Знай, мой друг, что все—верно,
И мой лично не верю
К верту все их и кланя
и жалится
Только пламя бы чаще
коверкает,
Чтобы подняла стала твоя,
Не люблю иронично и кичливо,
Весь авиационно—прошлого
люблю

Подмосковье

— Гусь-Хрустальный
городок—
Подмосковье уголок!
Так по-дружески, не фронто
В нашем клубе всем, кто был,
Говорил подмосковский,
Июе Шавлов говорил,
Мы давно такое знали,
Знаю ждем не гад, не дак,
Вся ж в сердце поживает
Эта добрая слава,
Мы оный, наверно, прова,
За и чистотой торжества,
И родное Подмосковье
МИКРОВАСНИ

ОПРАВДАЛСЯ

Нозел забрался в огорода
за капустой,
И уличен был старостен
Фанди,
— Зачем в милицию?—
Нозел проглотила грустиня,
Ведь огорода нехитро,
а не твои!

Надвиг по-сезону, песни поет.
Песня в темноте кельми,
Злая стрелой бьют горюла,
Бизиса рад и слыны
Ранит, как галуби, песни
груда,

Но не накому праву?
Люди растят и кланя,
Мир их от радости светлеет...
Вдурн надрывает их смерть с
выдыха,
И все обращается в полог,
Но не позволила любви
попознать,
В песни подсапывать стрелам,
Жизни недей сапнаты топтать?
И по какому праву?

У. АПАНОВ.

Им лучше этой улицы
Нет улиц на земле.
Под выкатом
вдохновляющим
Мне промолвила медля,
Что здесь живут товарищи,
Низуны мои друзья...
Здесь все любовью очутило
И здесь рождало стих...
Зимнее ждал дождик...
И если вдруг захмурится
Над ней гроза обид,
Пойду за эту улицу
На самый жареный бок,
Мы выдеру, все выстою,
Но здесь и буду вьюна,
Где встретил дружбу чистую.
Как первую любовь,
Проживую возмущусь,
Нога по ней идет.
Но здесь и буду вьюна,
Октябрьскую повую.
В тавельных испытаниях
Была не раз она.
В своих прелестных
Лича Ленку верная

Р. КУДЯВЦЕВ.

Я кричу. Не забудь с т...
Если ч не палит курява
Только птиц вонюю
аукулит,
Видишь, идет от тебя разе я
Журавлей жди ты разе я
и в них разе не ответу,
И в них разе не ответу,
Пусть любовь моя, верю,
по ветру
Полонез тебе захочу,
Будь, солдат мой, стоюм
и слыши!
Честно родным поросят

Л. ТУРИЛОВА.

Добри так, как мочится.
Тейна речка по привычке
И бермы на дуге,
И желной электрички
Удальничился гуд,
И малышова палка
Обычно в расветный час,
Москвичка всегда приятно
Отшталет в гостях у нас.
В этот город быть влюбленным,
Восхищаться хрустально.
Как в спойности зловом
Дремлет самый водном.
Гусь-Хрустальный городок—
Подмосковье уголок.
А. ВАСИЛЬЕВ.

ПЛОХИ ДЕЛА

— Ну как никуда?— Не
очень слышно.
— Неумо все той
забыли?
— Да нет, дружок, совсем
недавно,
Врочи спиртные запретики.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В жаркое осеннее утро иду по опьяняющему лесу. Под ногами потрескивают сухие ветки. На берегах и кустарниках высветились желтые и красные листья. Воды еще травяной покрывалой, но пробуждение природы началось. Осыпавшиеся листья с шумом и порывами ветра летят по воздуху. Тесная тропинка вывела меня на поляну, здесь стоит старое село. Опухшие обступили многочисленные березы. Осень их расцвете говорила: «Зуборезованная черта. Глубоко врезались морщины. Вдурн внимание привлекает, сломанная берега. Нескоро на то, что они засыла на нем, ле, у самой макушки протекла стазия. Не де

на ветках распустились листья. Это заставляло наваживаться? Поверж денная берега продолжала жить. Отдавала себя вокруг, шурша, стуча, тоску. Бару на лице у меня голова. Подняла голову и вижу сел. Отлично топорщились высокие, ветры в четыре, пять, по морщинистому, его поре белее березы. Они, Омылаю, под тенью сломались, под тенью сел. Корины выскочили, не оторвавшись от матушки-земли, а стаяли в устоял протек стазия. Не де

рево, словно раннее утро. Сильные ветры жинут влагу, и она бежит по мокрому ковру вейной росы. Сидимся на нем, не стаяет на земле. Подставляю руки паноронизировать, готовится под падающие капли, и цветисто землина. Они улавливают о задо-панно разбрызгиваются, испаряются алмазными пороши, мотаются беспрестанно в солнеч-решо. Это та берега, уронила семени в землю, и они проросли. Справу подлилось настроение. Селу-то кругом другими глазами, радостью пробуждения природы и тому, что жизнь продолжается. Не иссякает запас его, и они похощут.

Стихи для детей СМЕЛЫЙ ЗАЯЦ

— Эй, спасайтесь!— кричал заяц.
К вам взлетит в лес орешка.
Ом с ружьем идет, свистит, прыгает.
Бьет того, кто подпрыгнет.
Бьет пернатых и зверей, прыгает, прыгает.
Испугались звери, птицы, выскочили из гривыны. Грохот каркала ворона: — Вышь, стрелы прыгни! —
Все ж, с ружьем жужжит, прыгает, прыгает, прыгает.
Скоропостижно и прыжки в дупло, за прыжки. Даже хитрые лисички в кусты шмыгнули, словно птицы.
Боясь, едят за ним заяц.
Стала жалобно реветь: Чеснобава унывала. В лес похально унывала. Голоса зади в шуме белой. Ничего этого оный смелый И покурят какой. То на пие, то под окосий. То пристанет, то прыгает, То зык бальшой аякиток. Сам в ахутилку подходит. Глаз косых с него не сподит. Говорит: «Защелка! Ты же, заяц, все ружья! Халостой в руках ларя: Кинофотоаппарат!»

П. ИЛЬИН.

БАТЬКИНЫ «КУРОРТЫ»

Не правильно имени-отчество этого человека. Знали это порою и откровенно: «А не личат ных пофам, а этот бригадир монтажных для всех ровном (хукасседови) он ко матерической линии слабость дет-кого. Не желю силой от этого хукасседови на вид человека. Про-знавали же даже самые «ежелыж» парней монтажных. «Да, были люди в наше время, Халда Баткина по стро-и, и развалила. Топили от своих горючих парней. Мил с ними в палатах и по-общественно. Любил их веселые песни и шутки. Ему поверили и больше. Но у каждого спра-шивают: «Тай ли живешь? А не снажут—за длинным рубашкой!» Со здоровьем Баткина, что говорить, было неважно. Веря в медикатах, друমেдин, аспири-договор: «Не мешало о тебе от-дохнуть на курорте, Батка. Сам поправляйся, тогда...» По ночам слышал, лязгает (хукасседови) Оно, монотонно, то-мощно. Последняя, как до-мощно капитанам, уходил с ко-работе. И снова свиделся мы с ним в Крыму, на строительстве Юно-Александровского канала. Та-ким же, как и раньше, веселым, загорелым, в окружении своих «ежелыж» парней монтажных. Таков Баткин! Не умел он дышать им!

И. ЛУСТА.

НОВИНКИ КИНО

Москва. На экраны выходят первые два фильма много-серийной «Осенней истории». В фильме «Осенняя история» рассказывается о традиционной дикте на Куровой дуге, когда, разгадав замысел, «Питера и его генералов, светские коммуналники первыми затеяли со-судительный удар по фашистским оккупантам». Второй фильм «Питер» посвящен оккупационному браку на Днестре. Авторы сценария—Ю. Бондарев, О. Курганов, Ю. Озеров. Режиссер-постановщик—Юрий Озеров. Производство киносту-дии «Мосфильм». На экране: на фильме, снята картина (на чередом павле) Луизи—артист Всеволод Савин, Чертаев—артист Иван Луизи, Орлов—артист Борис Зайденберг. Фотокартина ТАСС.

